

предисловие автора

Да, дорогой читатель, не жди большого романа: это будет коротенькая повесть об истории одного предательства. И, учитывая провокационную и непростую тему, затронутую в книжке, все-таки вынужден оставить тут небольшое предисловие.

Текст выходит в сложные военные дни, и было бы соблазнительно воспринять его как пропагандистскую повесть с нехитрой моралью « предавать Родину плохо »; хотя эта мораль там, конечно, есть, да и я против такого восприятия не возражаю. К тому же трудно было удержаться от неких параллелей с нынешней ситуацией, тем более что они действительно есть. Но историю хотелось сделать не об этом.

Идея написать текст о власовцах появилась сразу после завершения « Покрова-17 »: я почитал о Дабендорфской школе РОА и захотел поработать над этой историей. Сделал первую главу, да на том и закончил — перестал быть интересен изначальный замысел. Потом в течение года возвращался к этой идее, думал, с какой бы стороны подключиться... И наконец

летом 2022 года пазл сложился в голове. Итог можно сформулировать как «„Повесть о настоящем человеке“ наоборот», ну или «Калинова яма — 2», кому как больше нравится.

Возможно, читатель в какой-то момент будет сочувствовать главному (анти)герою, но никакой цели (и желания) морально оправдать власовцев я перед собой не имею, из книги это будет понятно. А насчет сопереживания — что уж поделаться, все мы люди, просто иногда плохие.

Не могу претендовать на абсолютную историческую точность, но старался руководствоваться источниками.

Для работы над книгой использованы следующие материалы:

Генерал Власов. История предательства: в 2 т., в 3 кн. — Т. I. — М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Поздняков В. В. Рождение РОА. Пропагандисты Бульхайде — Люкенвальде — Дабендорфа — Риги. — Сиракузы (США): Б. и., 1972.

Артемьев В. П. Первая дивизия РОА. Материалы к истории освободительного движения народов России (1941–1945). — Торонто, Лондон: СБОНР, 1974. (Отдельное спасибо дорогому Мурзу за блестящий перевод этого апологетического труда с власовского на русский.)

Жуков Д. А., Ковтун И. И. Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма. — М.: Пятый Рим, 2020.

Александров К. М. Армия генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944–1945): материалы к истории Вооруженных Сил КОНР. — СПб.: тип. СПбГУ, 2004. (Александров тот еще апологет Власова, но в своем предмете шарит.)

В качестве прототипа одного из главных героев взят полковник Н. С. Бушманов.

В общем, приятного чтения. Долго мучить не буду, я не гестаповец.

И да, предавать Родину плохо, по возможности избегайте этого.

Ибо не понимаю, что делаю:
потому что не то делаю,
что хочу, а что ненавижу,
то делаю.

Рим. 7:15

Луна и солнце побледнели,
созвездья форму изменили.
Движение сделалось тягучим,
и время стало, как песок.
А дворник с черными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый
и топот ног, и звон бутылок.

Даниил Хармс.

Постоянство веселья и грязи

пролог

ОН НЕ ТВОРИЛ зла, чтобы сделать кому-то плохо. Он творил зло, чтобы сделать себе хорошо.

Не надо печалиться, вся жизнь впереди.

Старый дворник в оранжевом жилете поверх ватника опрокинул в бак остатки мусора, поставил рядом ведро и утер лоб рукавом. Взял метлу, хромая на левую ногу, дошел до скамейки, уселся, задымил беломорину.

В Гатчину пришел настоящий апрель, дороги еще не мыли из-за ночного похолодания, а пыли в городе осело преизрядно, и работы у дворника хватало. Но это, конечно, не снег таскать лопатой, да еще в таком-то возрасте.

Дворнику недавно исполнилось шестьдесят семь, но выглядел он на все восемьдесят. Такая уж выдалась жизнь.

Зато солнце впервые за полгода стало по-настоящему греть его старческие кости, слепить по утрам, вышибать слезу из глаз.

Дворник смолил папиросу, сидя на скамейке посреди аллеи, и смотрел по сторонам.

Он выжил не потому, что сделал правильный выбор. Он выжил потому, что сделал неправильный выбор, но очень хотел жить.

Утренний город понемногу просыпался. Прокатился бензовоз, за ним новенький синий «москвич». Из открытого окна у кого-то в радиоприемнике продолжала играть песня:

Вся жизнь впереди, надейся и жди.

Дворника никто не любил. Особенно дети. Им запрещали общаться со стариком. Дети не знали почему. Говорили, что он плохой человек.

Он действительно был плохим человеком.

Соседи при встрече коротко здоровались и отводили взгляд.

Продавщица в гастрономе старалась посчитать сдачу максимально быстро.

Пару лет назад на двери его квартиры кто-то написал углем: «Сдохни». В милицию обращаться не стал.

В целом жизнь казалась сносной. Крыша над головой есть, еда есть, а главное — есть чем заняться. Зимой чистить улицы от снега, весной — от пыли, летом подметать мусор и окурки, осенью — опавшие листья.

Старик радовался, что у него здесь не осталось ни родственников, ни знакомых. Но одного из старых друзей он все же мечтал встретить.

Каждый день садился на эту лавочку и надеялся, что встретит этого человека.

Человек не приходил.

Дворник сидел на лавочке, докуривал папиросу и представлял, как через месяц страна будет отмечать 30 лет победы в Великой Отечественной войне.

Он не будет праздновать. Это не его победа.

Не надо печалиться, вся жизнь впереди.

глава первая

трое в подпоясанных ремнями шинелях, без оружия, в начищенных сапогах устало шагали по грязной наледи дороги. Во влажном весеннем воздухе пахло землей и прошлогодней травой.

— Скучно, — вполголоса сказал Иван Гуляев и повернулся к остальным, продолжая идти спиной вперед. Ободряюще им улыбнулся — до остановки еще долго, надо как-то разбавить уныние, да и негоже офицерам выглядеть печальными доходягами в глазах местных. — «Варяга» все помнят?

Фролов и Бурматов переглянулись и понуро закивали.

Их высадили из грузовика, пришлось идти своим ходом, а в такую промозглую погоду хотелось поскорее в тепло, туда, где еда и выпивка. Но не в каждом кабаке их приняли бы с радостью.

Гуляев просил довести до центра, но водитель отмахнулся и сказал, что не будет с ними возиться, у него дру-

гие дела; повернул на перекрестке в пригороде, всех высадил и отправился в сторону завода. Теперь пришлось преодолеть квартал до ближайшей автобусной остановки.

— Ну... — Гуляев набрал воздух в грудь. — Песню запе-вай!

И все трое грянули:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Гуляев воодушевленно задирижировал рукой, улыбнулся самому себе.

По обеим сторонам дороги стояли аккуратные домики из белого да красного кирпича, двухэтажные, с ухоженными террасами... Выглядело все это непривычно, дома было совсем не так. Казалось, будто само окружение хочет быть приветливым, машет, зовет, показывает себя в лучшем свете, мол, смотри, как хорошо у нас.

Только местные смотрели на них с недоверчивым удивлением, будто никогда не слышали таких песен, но точно знали, на каком языке их поют. Строгие пожилые женщины выглядывали из окон и странно морщились, пытаясь разглядеть лица. Пузатый дядька в брюках с подтяжками вышел было на балкон раскурить трубку, да так и встал с зажженной спичкой, услышав песню на чужом языке, да на каком! Молодая женщина в коричневом платье — наверное, учительница — ехала на велосипеде, сбавила скорость, обернулась и вперилась в Гуляева, точно увидела кого-то в страшном сне.

«Ничего, — думал Иван, — им все это в диковинку».

Гуляев, Фролов и Бурматов шли в серых немецких шинелях с бело-сине-красными триколорами РОА на шевронах. Их ждал уютный вечер в кабаке на Принц-Альбрехтштрассе.

Иван Гуляев — молодцевато-подтянутый, с рыжими вихрами из-под фуражки, тридцати пяти лет — выглядел теперь намного лучше, чем летом прошлого года. Тогда, прибившись к чужому отряду, грязный и отощавший, он попал в плен после разгрома на Волховском фронте. Только нос так и остался сломанным, чуть повернутым направо, после общения с одним не самым приятным типом.

Тонкий и светловолосый Денис Фролов, поэт и офицер с внешностью графа и голосом певца Вертинского, приехал в Германию сам, из Парижа — «помогать добровольцам в борьбе со сталинской диктатурой». Помогал чем мог: вел курсы на тему «Россия и большевизм», писал стихи в газету «Заря»¹. Издал две книги стихов в Париже. Россию он покинул в конце Гражданской вместе с остатками армии Врангеля. Тогда ему было двадцать лет, теперь сорок три.

Владимир Бурматов, бритоголовый великан почти под два метра, с квадратной челюстью и маленькими глазами, попал в плен еще в 1941-м, когда его контузило под Киевом. Немцы взяли его в бессознательном состоянии — не стали добивать, увидев четыре полковничьи шпалы на петлицах.

Сзади зарокотал мотор. Гуляев обернулся: за ними ехал немецкий мотоцикл с коляской, в которой сидел похмельный майор.

¹ Пропагандистская газета РОА, выпускавшаяся в Берлине. — Здесь и далее примеч. автора.

«Точно похмельный», — понял Гуляев: он почти спал в своей коляске, подняв ворот шинели, голова его безвольно болталась, но время от времени он приоткрывал глаза и отупевшим, непонимающим взглядом смотрел по сторонам. Железный крест на груди был ему не к лицу.

Уродливое, раскрасневшееся лицо его с прямым римским носом было изрыто оспинами, на правом глазу мутнело голубоватое бельмо.

По всей видимости, офицера разбудила песня.

Иван пригляделся к майору и понял, что тот даже не похмелен, а попросту все еще пьян. И явно хотел выпить еще. Уже в семь вечера. И без того неприятное лицо его говорило, что пил он точно не первый день.

Поравнявшись с офицерами, майор приказал остановить мотоцикл.

Петь перестали — все выжидающе глядели на него. Остановились.

Майор посмотрел на Гуляева единственным видящим глазом, задал вопрос по-немецки:

— Русские?

— Русские, герр майор, — ответил Гуляев.

Из них троих Иван знал немецкий лучше всех. До войны он преподавал его в школе. Поэтому, младше всех и по званию, и по возрасту, в кругу своих он держал субординацию, но при гитлеровцах обычно говорил за остальных, когда те поддерживали разговор лишь изредка. Фролов знал язык неплохо, но предпочитал отмалчиваться и «не позориться». Бурматов говорил в пределах фронтового разговорника, изданного для общения с пленными. Не пригодился. Учеба давалась ему с трудом, да и особого желания он не показывал.

— Слышал о вас... Из Дабендорфа? — спросил немец.

— Да, герр майор.

— Пить едете?

— Да, герр майор.

— Я хочу пить с вами.

— Да, герр майор.

— Рольф, едем помедленнее, — сказал майор водителю.

Водитель по имени Рольф не смотрел в их сторону. К пьянству майора он явно привык.

Мотоцикл тронулся, и офицеры снова пошли по дороге. Несколько минут они двигались в полном молчании: майор будто снова чуть не уснул, но поднял голову и спросил у Гуляева:

— Что это за песня, которую вы пели?

— «Варяг», герр майор.

Офицер мотнул головой, не понимая, о чем речь.

— Что это за слово? Что оно значит?

— Так назывался русский крейсер, который мы затопили во время войны с Японией, чтобы он не достался врагу, — сказал Гуляев и зачем-то добавил: — А еще так в Древней Руси называли скандинавских воинов, которых позвали править нашей страной.

Майор еще полминуты переваривал в голове сказанное, а потом улыбнулся:

— Вы назвали свой боевой корабль в честь иностранцев, которые пришли править вами?

— Да, — улыбнулся Гуляев.

— Ты слышал, Рольф? — со смехом сказал майор водителю.

Водитель коротко кивнул без улыбки. Майор махнул на него рукой — мол, не понял шутку. Поправил фураж-

ку, неуклюже перегнулся через край коляски и протянул Гуляеву руку в перчатке:

— Майор Цвайгерт, Триста сорок третья пехотная¹.

Гуляев пожал холодную перчатку:

— Поручик Иван Гуляев.

Он любил называть себя поручиком, хотя это звание, введенное по настоянию белоэмигрантов, не особо прижилось в РОА, и обычно к нему обращались «старший лейтенант».

— Веду политические занятия в Дабендорфской школе РОА, отдел восточной пропаганды особого назначения², — продолжил Гуляев, а потом кивнул на своих: — Это мои друзья, капитан Фролов и полковник Бурматов.

— Рад знакомству! — перебил Цвайгерт, и Гуляев учуял, как несет спиртом из его рта.

Фролов и Бурматов тоже поздоровались с Цвайгертом. Рольф ограничился тем, что махнул им рукой.

Пока власовцы шли по дороге, а мотоцикл Цвайгерта неторопливо катил рядом, Гуляев вдруг вспомнил, на что похоже это сопровождение: точно так же чуть меньше года назад, в сорок втором, его вместе с остальными вели в лагерь пленных близ Тесово-Нетыльского, на Волховском фронте. Они шагали большой колонной, их было около сотни, грязные, изъеденные вшами и комарами, дьявольски голодные, в драных ватниках и шинелях, и совершенно не знали, что будет дальше. А мимо точ-

¹ Дивизия.

² Кадровый учебный центр РОА, созданный в 1943 году в 40 км к югу от Берлина близ деревни Дабендорф на месте бывшего лагеря для французских военнопленных.

но так же проезжал немецкий офицер на мотоцикле. Только он был трезв и строен, в противоположность Цвайгерту, и с худым, щетинистым лицом.

И сидел не в коляске, а за рулем. И взгляд у него был совсем другой. Холодный, цепкий, бегающий, того и гляди — слетит с катушек да пристрелит.

Здесь Гуляев давно не видел, чтобы на него так смотрели. Во взглядах читалось разное — дружелюбие, покровительственное панибратство, иногда брезгливость, но чаще всего равнодушие. Порой проскакивала и сдержанная ненависть, но не было этой звериной готовности убить здесь и сейчас. По крайней мере, пока.

«Это вполне объяснимо, — думал он, — представляя себя на месте этих немцев. Вот ты сидишь в тихой и даже вполне сытой, по военным меркам, Москве, а по улицам маршируют немцы, одетые в советские гимнастерки. Ну, поют иногда песни на своем языке. Но воюют за нас. Как бы наши, собственные немцы». Что бы он испытывал? Гуляев не мог ответить на этот вопрос. Наверное, тоже равнодушие. А может, и выпил бы водки с парочкой фрицев.

«Фрицев...» — мысленно он ударил себя по губам. Странно говорить это здесь, даже думать странно. Какие уж тут теперь фрицы.

— А вы куда пить отправляетесь? — спросил Цвайгерт.

— Не самое элитное место, герр майор. Возможно, вы знаете. «У Луизы» на Принц-Альбрехтштрассе.

Цвайгерт присвистнул, а Рольф криво ухмыльнулся.

— Так вы по бабам! Так бы сразу и сказали, — засмеялся майор. — Тогда нам совершенно точно по пути! Только...

Он понизил голос, снова перегнулся через коляску, икнул.

— Гестапо не боитесь? — спросил он Гуляева.

— Нет, герр майор, — ответил Гуляев. — Напротив, так спокойнее.

Кабак и бордель, знакомый избранным под условным названием «У Луизы», на самом деле никак не назывался. Вход без вывески, со двора. Но коллекции выпивки, которую подавали в зале, позавидовали бы многие легальные берлинские рестораны: хозяйка заведения, пожилая Луиза, умудрялась достать и настоящий шотландский виски, и бренди, и отличное вино, и хорошую, добрую водку. Многие ходили сюда не ради плотских удовольствий, а просто выпить и поговорить по душам. Например, гестаповцы.

Штаб-квартира гестапо располагалась в одном квартале от заведения. Полицейские работники облюбовали это место и, по слухам, покровительствовали ему. Поэтому Гуляев, Фролов и Бурматов здесь ощущали себя спокойнее — меньше риск нарваться на недопонимание, конфликт или случайную драку. Здесь их знали и помнили. Услугами проституток они пользовались редко — слишком дорого. Предпочитали просто пить.

Для остарбайтеров немцы запретили вход во многие заведения Берлина, а к добровольцам относились немногим лучше.

Когда они дошли до остановки, Гуляев сказал Цвайгерту, что им придется подождать тут автобус. Майор разочаровался.

— Почему вам не выделили машину? — спросил он. — Это безобразие. Об офицерах надо заботиться.

— Все машины сегодня заняты, герр майор. Выходной, — ответил Гуляев.